

Новый год детства
(рассказ-быль)

Василию снилось, что отец и дядя Леня гнали самогон! Скоро Новый год, через три часа. Докапывали последние «горючие» капли, а свояки ни в одном глазу. Гнали на дровах, охлаждали снегом. За три часа этой «гонки» переговорили, кажись все, аж языки распухли, не то от разговоров, не то от тыквенных семечек.

В дореволюционной хате стоял карамельно-дюшесовый аромат. Прямо кондитерская фабрика, или ситроцех какой. В общем спиртным и не пахло. Денег просто на сахар было маловато, вот по случаю и купили списанных конфет, килограммов десять с половиной!

Брага получилась отменная, светлая, пахучая! Что ты! Гнали и ждали своих жен с детьми, которые должны скоро прийти с предновогоднего концерта из школы. Ждали и шурина с семьей. Заранее договорились встречать праздник вместе, по-родственному. Провожали одна тысяча девятьсот пятьдесят девятый год.

Собрались было выливать на улицу барду, воду из «холодильника», да тут раздался громкий стук в дверь. Свояки переглянулись:

- Ты никому не говорил? - произнесли одновременно.

Стук повторился. Казалось, стучали не кулаком, а какой-то кувалдой. Тяжелый стук – однозначно настойчивый.

- Ленька! Ты давай, прячь, выноси в дальнюю комнату все, ставь за печкой, - а я тут щас... И Петро начал лазить по карманам висевших на вешалке фуфаек, полупальто, одновременно спрашивая вмиг осипшим голосом.

- Кто тама?

- Открывай!... Милиция! Позакрываются чуть свет!

На крыльце слышались потопывание и снежный морозный скрип. Ленька, уже почти все спрятал и убирал зачем-то табуретки тоже за печку. Петро стоял у резной этажерки, которую когда-то сам смастерил. Мастер он был от Бога. Отменный! За что ни возьмется, все делает качественно и очень художественно. На этажерке теснились библиотечные книги, труды Ленина, справочники по пчелам, всему сельскому хозяйству, книжки для детей, для жены «Домоводство». Ну и так, всего понемножку: «Кожаный чулок», «Двенадцать стульев», «Порт Артур»... Венчал этажерку переносной радиоприемник красного цвета с названием «Турист», вещающий в это самое время о летающем искусственном спутнике...

Петро заглядывал в каждую книжку, в шкатулку для иголок и ниток с пуговицами, поднимал приемник, хлопал по карманам ватных штанов, волновался – это было видно по его бегающим глазам, подрагивающей губе, да слегка трясущимися рукам...

- Ты чего ищешь-то? - полушепотом спросил свояк.

- А? – только и ответил Петро, его лицо было как известка. – Где мой партбилет?

Леньку вопрос застал врасплох. Стук в двери повторился: гуп, гуп, гуп...

- Какой еще партбилет? Я что, живу здесь? У Полины спроси... Или еще у кого из домашних.

- Да когда спроси, их и дома нет...

Стук повторился.

- Надо открывать!

- Открывай. Ты же хозяин.

- Пойдем вместе, все ж не так страшно, а?

- Фу ты, етит твою налево! Пошли!

Петро шел как на Голгофу, держа в руках керосиновую лампу, осторожно ступая и открывая двери в сени...

- Кто там? – зачем - то еще раз спросил хозяин.

- Кто, кто? Милиция... Хрен да долото, вот кто!

Петро глубоко вздохнул и выдохнул, тем самым задув лампу, но, нащупав засов, открыл входную дверь. Картина была потрясающая! На фоне звездного чистого неба, прямо у крыльца, усыпанная снегом, искрившимся от лунного света, стояла вся родня во главе с шурином. Жены, дети, прикрывавшие рты от смеха. Дядя Коля был одет в вывернутый кожух, в руках большая толстая дубина, на голове форменная милицейская фуражка. Новогодний розыгрыш финишировал теперь уже откровенным хохотом. Шурин не унимался:

- Жалко свисток на морозе замерз, я бы еще...

- Что, свистел бы?

- А то!

- Язви тебя в душу! От беды до радости один шаг. Хату застудите. Заходите!

- Да ты погоди, - продолжал шурин. Глянь, какая ночь! Какое небо! Новый спутник летает в космосе!

По небу двигалась светящаяся точка.

- Слышишь сигналы?

- Ну? Пи, пи, пи...

- Ага, пи-пи. От твоих выходок, действительно, захочется не только пи-пи.

Стол был накрыт мгновенно. Да и накрывать-то было особо нечем – хлеб, сало, горчица, огурцы, помидоры, квашеная капуста, моченые яблоки, арбузы. На плите кипела вода в ведерной кастрюле – будут пельмени! Дети разбирали, новогодние кульки и тут же снимали пробу конфет: «Школьные», «Ласточка», «Премьера»... Взрослые сидели за столом у елки и провожали 1959 год!

... Василий проснулся, долго лежал, еще и еще раз перебирая в памяти все приснившееся. Не протирая глаза вслух произнес:

- Все-таки крепка детская память! – глянул на старенький будильник – было ровно пятнадцать часов. Прочитал записку, написанную женой Валентиной - что купить. В ней шел перечень продуктов, спиртного, напитков и прочих деликатесов. Разве можно было о таком подумать сорок лет тому назад? Даже и названий не знали, а теперь бери – не хочу, лишь бы в «лопатнике» было «нашинковано». Раньше был дефицит товара, а сейчас дефицит денег.

Разница небольшая, а все ж трудновато. И поговорка: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» - не работает. Работает - «Помоги себе сам».

Идя по просторному супермаркету, Василий набивал корзину согласно списка: икра, семга, селедка, сметана, майонез, кетчуп, хлеб «Бородинский», колбасы вареные, копченые, ветчина рубленая, копченая красная рыба, конфеты, кофе, чай, кукуруза, горошек зеленый, ананас, куры фирмы «Ясные зори», торт, бананы, мандарины, лимоны, апельсины, батон нарезной, хлеб для гренков, печенье овсяное, масло... Да, было бы такое тогда, в пятьдесят девятом, с ума можно сойти.

Расплатившись у кассы, Василий шел домой, а думы про сон не покидали его. Вот он как зацепил его, этот сон, этот экскурс в двадцатый век, перенес назад на сорок лет с лишним. А ведь и тогда жили, и стремились, чтобы все было к празднику. Радость была, ожиданием жили, вот наступит, вот придет, будет лучше. Верили в будущее и жили этой верой. Сейчас хоть ежедневно делай праздник, а веры не густо. Прийдя домой Василий стал устанавливать елку. Наряжал с любовью, как учил отец Петр Иванович, покойный, царствие ему небесное.

- Делай, Василек, - поучал, - хорошо. Плохо оно само получится.

Запомнил сын слова отца, и вот каждый год, тридцать первого числа, ближе к вечеру, как и в пятьдесят девятом... Вроде давно это было, а вот до сих пор, как устанавливает Василий новогоднее дерево, так и чувствуется запах сосновый из той детской жизни... Хотя уже лет двадцать семь назад, точно, старшенькому тогда было три годика, в Мурманске по случаю искусственную немецкую елку купил за двадцать восемь рубликов. Вот до сих пор она в доме. Красавица, сразу не определишь, настоящая она или нейлоновая. Брызнешь на нее хвойным экстрактом, да повесишь огни, много разноцветных огней. Вот он двадцать первый век! Все поменялось и здорово.

Василий так увлекся елкой, потом уборкой небольшого домика: три комнатки, да летний этаж под крышей для внуков, что не заметил, как пришла с работы Валентина. Часы показывали около десяти вечера, из кухни голос жены вопросительно произнес:

- А где шампанское? А пиво мое любимое? А себе, что ничего не купил?

- Забыл, - ответил Василий.

- Ну-ка давай быстро. Одна нога здесь, другая там и снова тут. Да сядем за стол, проводим старый год и будем ждать от детей звонков. Мобильники зарядил? Или на меня надеешься?

Одевшись, он молча ушел в супермаркет. Возвращаясь, любовался новогодними витринами, елкой на площади и вообще всем праздничным убранством.

Красиво!

В доме стол уже был накрыт, супруга сияла.

- Мой руки, - сказала она и спросила - Ну что, Вася, как по - твоему хороший был год или нет?

- Хорошо все, только радости не такие, как в детстве – ответил, и добавил: – хотя души наши молодые, раз елку ставим! Давай, Валюша, за Борисовку, за нашу елочку -красавицу, за большие перемены!

А. СОЛОВЬЕВ.

п. Борисовка.

Мечта о белом хлебе

Лазарь Моисеевич проснулся, как обычно, в шесть часов. Вообще-то вся улица Полевая, что пересекает Плехановскую улицу, пробуждалась одинаково, в то же самое время, что и Лазарь Моисеевич. А может он, вместе с улицей? Это уже никто на свете не может доказать.

Петухов на этой улице, частной и тихой, никто не держал, кур тоже, но эта птица, регулярно присутствовала на всех еврейских столах, в те данские «Хрущевско-Брежневские» времена, когда футбольная команда «Авангард» ушла на неожиданно в первую группу и тут же была переименована в – Металлист!

- Разве я, да и все мои соседи по улице, и друзья-приятели по городу плохо болели? –

- Наверное, они таки, не совсем хорошо играли... Чего им еще не хватало в высшей лиге? - спрашивал себя Лазарь Моисеевич.

Он хотел было задать этот вопрос соседу, но тот через калитку здоровался и разговаривал с соседом через дорогу, русским человеком с украинским акцентом.

Они говорили долго, как определил Лазарь Моисеевич, с самого утра. По улице шли трамваи, поинтервально выезжающие на свои маршруты из расположенного рядом трамвайного депо.

В коротких промежутках между бегущими маршрутами, они успевали кое, что сказать друг - другу, причем одновременно, все было понятно не, только им двоим, но всем соседям сразу, которые не спали, занимаясь своими утренними делами, но ухо держали востро. А вдруг, что-то, кроме еже утреннего обмена в дежурной информации, просочится свеженькое? Вот тогда в самый раз можно вступить в разговор, на фоне трамвайного шума, и разговор будет непонятен для суперспецслужб планеты. Разговаривали, жестикулируя руками, крутя головами, одновременно закуривая и перебрасывая через дорогу коробок со спичками фирмы Гигант. Вроде у соседа нет спичек?

- А шо, Яков Андреевич нового в Советском Союзе?

Опять заложили очередную гидроэлектростанцию, размахивая газетой отвечал Яков Андреевич, и опять где то в Сибири, вблизи Биробиджана, а может Красноярска...

И как они умудряются на воде сооружать такие прибыльные объекты?

Ума не приложу, все думаю о прибыли... Аж мозги болят.

- А, шо они еще где-то должны быть? (Тихо) у Вас.

Задал витееватый вопрос с поддевкой Александр Адольфович Диль.

Но шум трамвая не помешал усвоить Якову Андреевичу всю фразу. Ответ был молниеносным, с бегущей головой вокруг своей оси, и морганием глаз. Кто они? Их много? А кто их видел? Ну мозги.

А-а-а! Ну раз у них они болят, то за нас переживать не стоит. Тут же переиначил и перевел разговор Яков Андреевич, торговавший всю жизнь газводой.

Они на воде электростанции строят, а я на воде дачу никак не дострою!

С этими словами, под трамвайный лязг очередного маршрута, уходящего куда-то на Грековскую, Яков Андреевич ушел, размахивая газетой, что-то говоря в адрес трубившего паравоза, притащившего рабочий поезд со станции Готня к Балашовскому вокзалу, что был рядом. Через мост. Вокзал был построен в послевоенное полусталенское, полунепонятное время, выглядит солидно, на взгорке с колоннами со ступеньками к платформам, издали – театр и только. Он нес функции пригородного сообщения. Мегаполис задыхался от нехватки рабочих рук. Люди поездники, ездили на работу в Харьков даже из России, поезд так и назывался Готня-Харьков Балашовский. Работали где только можно, город миллионный, индустриальный!

Лазарь Моисеевич шел из булочной мимо трамвайной остановки, двери трамвая только впускали, выходить было некому все ехали кто на работу, кто на Конный рынок.

Лазарь это понял сразу, по запаху лука из вагона трамвая.

Надо сказать Неле – прибыл Стригуновский лук. Надо бы затарится в зиму. Лук отменный, хранится чудесно. Лазарь бывал в Стригунах, и видел с какой любовью люди занимаются этой сельхозкультурой и с каким удовольствием продают его здесь, в Харькове на Конном рынке!

Трамвай с лязгая уходил по Плехановской, звеня своим звонком, напоминая что-то, как Здравь! Здравь! Здравь!

Неля прокричала громко на пол улицы, а то и дальше, чтоб слышно было не только Лазарю и именно туда, откуда он шел.

- Лазарь! Ну «сколь» тебя просить? Зарежь селедку, а то куру и чай остывает, и хлеба надо свежего, дома ни крошки.

Это означало, что пора завтракать.

Он нес теплые «французские» булки и думал как ему без опозданий провести пять пар занятий? Причем, в разных учебных заведениях города в двух ВУЗах, двух техникумах и одном ПТУ! Как ему все это сходило с рук и как он успевал, одной Неле понятно. Она знала все за него, за себя и за весь Конный рынок, на котором имела свое персональное место, приехать, поговорить, отдать место сразу нескольким торговцам, получить аванс, позвонить из рыночной «конторы» (как она говорит) Лазарю, напомнить снова, что первая пара у него в «политехе», вторая в УЗПИ, третья в электромеханическом техникуме на Ливаде, четвертая в машиностроительном на Плехановской и пятая пара через дорогу в ПТУ-7!

Это же рядом с домом. Она знала, что после ГПТУ, он пойдет на стадион, обсудить, побрехать, попить Боварского пива и потом только домой. Но это позже, а сейчас он резал селедку, настоящую астраханскую!

Острым ножом делал нехитрые надрезы, снимал с селедки, как чулок шкуру, острой вилкой к разделочной доске через хвост прикалывал жирную селедь и мастерски, острым ножиком, отделял от костей. Филе тут же тоненько нарезалось, укладывалось в селедочницу, посыпалось луком репчатым, кольцами, поливалось пахучим постным маслом и финишным шприх – добавка в меру уксуса, а меру Лазарь Моисеевич знал и знал так, как не мог знать даже себя лично! Все это чудо творилось на кухне, за десять, пятнадцать минут до завтрака. Лазарю Моисеевичу, почему то всегда казалось, что у чайника есть глаза, это с самого детства. Закипающий, но не булькающий чайник, начинал таращить глаза от температуры, и как только состояние доходило до белой воды, он его выключал и заваривал индийский чай «Три слона». С появлением в столовой селедки и ее запаха – у Нели появлялся аппетит! Проветренная столовая утренним морозным воздухом, была свежа, светла, и как белая скатерть на круглом столе. Кура отварная, пахла клубясь парком, и бульоном для обеденного супа. Неля и Лазарь ели сельдь не с традиционным черным, а с белым и с французскими булками, обильно намазанные сливочным маслом! Куру ели, а нахваливали селедку! Пили чай, а нахваливали куру! К чаю подавали кусковой, белый, отливающий синевой наколотый сахар и белый хлеб с маслом...

Это у них с детства, с войны. Мечта о белом хлебе...

Мечта о белом хлебе

Лазарь Моисеевич проснулся, как обычно, в шесть часов. Вообще-то вся улица Полевая, что пересекает Плехановскую улицу, пробуждалась одинаково, в то же самое время, что и Лазарь Моисеевич. А может он, вместе с улицей? Это уже никто на свете не может доказать.

Петухов на этой улице, частной и тихой, никто не держал, кур тоже, но эта птица, регулярно присутствовала на всех еврейских столах, в те данские «Хрущевско-Брежневские» времена, когда футбольная команда «Авангард» ушла на неожиданно в первую группу и тут же была переименована в – Металлист!

- Разве я, да и все мои соседи по улице, и друзья-приятели по городу плохо болели? –

- Наверное, они таки, не совсем хорошо играли... Чего им еще не хватало в высшей лиге? - спрашивал себя Лазарь Моисеевич.

Он хотел было задать этот вопрос соседу, но тот через калитку здоровался и разговаривал с соседом через дорогу, русским человеком с украинским акцентом.

Они говорили долго, как определил Лазарь Моисеевич, с самого утра. По улице шли трамваи, поинтервально выезжающие на свои маршруты из расположенного рядом трамвайного депо.

В коротких промежутках между бегущими маршрутами, они успевали кое, что сказать друг - другу, причем одновременно, все было понятно не, только им двоим, но всем соседям сразу, которые не спали, занимаясь своими утренними делами, но ухо держали остро. А вдруг, что-то, кроме еже утреннего обмена в дежурной информации, просочится свеженькое? Вот тогда в самый раз можно вступить в разговор, на фоне трамвайного шума, и разговор будет непонятен для суперспецслужб планеты. Разговаривали, жестикулируя руками, крутя головами, одновременно закуривая и перебрасывая через дорогу коробок со спичками фирмы Гигант. Вроде у соседа нет спичек?

- А шо, Яков Андреевич нового в Советском Союзе?

Опять заложили очередную гидроэлектростанцию, размахивая газетой отвечал Яков Андреевич, и опять где то в Сибири, вблизи Биробиджана, а может Красноярска...

И как они умудряются на воде сооружать такие прибыльные объекты?

Ума не приложу, все думаю о прибыли... Аж мозги болят.

- А, шо они еще где-то должны быть? (Тихо) у Вас.

Задал витееватый вопрос с поддевкой Александр Адольфович Диль.

Но шум трамвая не помешал усвоить Якову Андреевичу всю фразу. Ответ был молниеносным, с бегающей головой вокруг своей оси, и морганием глаз. Кто они? Их много? А кто их видел? Ну мозги.

А-а-а! Ну раз у них они болят, то за нас переживать не стоит. Тут же переиначил и перевел разговор Яков Андреевич, торговавший всю жизнь газводой.

Они на воде электростанции строят, а я на воде дачу никак не дострою!

С этими словами, под трамвайный лязг очередного маршрута, уходящего куда-то на Грековскую, Яков Андреевич ушел, размахивая газетой, что-то говоря в адрес трубившего паравоза, притащившего рабочий поезд со станции Готня к Балашовскому вокзалу, что был рядом. Через мост. Вокзал был построен в послевоенное полусталенское, полунепонятное время, выглядит солидно, на взгорке с колоннами со ступеньками к платформам, издали – театр и только. Он нес функции пригородного сообщения. Мегаполис задыхался от нехватки рабочих рук. Люди поездники, ездили на работу в Харьков даже из России, поезд так и назывался Готня-Харьков Балашовский. Работали где только можно, город миллионный, индустриальный!

Лазарь Моисеевич шел из булочной мимо трамвайной остановки, двери трамвая только впускали, выходить было некому все ехали кто на работу, кто на Конный рынок.

Лазарь это понял сразу, по запаху лука из вагона трамвая.

Надо сказать Неле – прибыл Стригуновский лук. Надо бы затариться в зиму. Лук отменный, хранится чудесно. Лазарь бывал в Стригунах, и видел с какой любовью люди занимаются этой сельхозкультурой и с каким удовольствием продают его здесь, в Харькове на Конном рынке!

Трамвай с лязгая уходил по Плехановской, звеня своим звонком, напоминая что-то, как Здравь! Здравь! Здравь!

Неля прокричала громко на пол улицы, а то и дальше, чтоб слышно было не только Лазарю и именно туда, откуда он шел.

- Лазарь! Ну «сколь» тебя просить? Зарежь селедку, а то куру и чай остывает, и хлеба надо свежего, дома ни крошки.

Это означало, что пора завтракать.

Он нес теплые «французские» булки и думал как ему без опозданий провести пять пар занятий? Причем, в разных учебных заведениях города в двух ВУЗах, двух техникумах и одном ПТУ! Как ему все это сходило с рук и как он успевал, одной Неле понятно. Она знала все за него, за себя и за весь Конный рынок, на котором имела свое персональное место, приехать, поговорить, отдать место сразу нескольким торговцам, получить аванс, позвонить из рыночной «конторы» (как она говорит) Лазарю, напомнить снова, что первая пара у него в «политехе», вторая в УЗПИ, третья в электромеханическом техникуме на Ливаде, четвертая в машиностроительном на Плехановской и пятая пара через дорогу в ГПТУ-7!

Это же рядом с домом. Она знала, что после ГПТУ, он пойдет на стадион, обсудить, побрехать, попить Боварского пива и потом только домой. Но это позже, а сейчас он резал селедку, настоящую астраханскую!

Острым ножом делал нехитрые надрезы, снимал с селедки, как чулок шкуру, острой вилкой к разделочной доске через хвост прикалывал жирную селедь и мастерски, острым ножиком, отделял от костей. Филе тут же тоненько нарезалось, укладывалось в селедочницу, посыпалось луком

репчатым, кольцами, поливалось пахучим постным маслом и финишным шрих – добавка в меру уксуса, а меру Лазарь Моисеевич знал и знал так, как не мог знать даже себя лично! Все это чудо творилось на кухне, за десять, пятнадцать минут до завтрака. Лазарю Моисеевичу, почему то всегда казалось, что у чайника есть глаза, это с самого детства. Закипающий, но не булькающий чайник, начинал таращить глаза от температуры, и как только состояние доходило до белой воды, он его выключал и заваривал индийский чай «Три слона». С появлением в столовой селедки и ее запаха – у Нели появлялся аппетит! Проветренная столовая утренним морозным воздухом, была свежа, светла, и как белая скатерть на круглом столе. Кура отварная, пахла клубясь парком, и бульоном для обеденного супа. Неля и Лазарь ели сельдь не с традиционным черным, а с белым и с французскими булками, обильно намазанные сливочным маслом! Куру ели, а нахваливали селедку! Пили чай, а нахваливали куру! К чаю подавали кусковой, белый, отливающий синевой наколотый сахар и белый хлеб с маслом...

Это у них с детства, с войны. Мечта о белом хлебе...